

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иозефовичъ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 153.

ХАРЬКОВЪ, ЧЕТВЕРГЪ 11 (23) Юня 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ ПО 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,
1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Ч.																							
	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.												
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.											
Город. безъ доставки	10	50	10	—	9	25	8	50	7	75	7	—	6	—	5	40	4	50	3	50	2	40	1	20
Город. съ доставкою	12	—	11	50	10	75	10	—	9	10	8	20	7	—	6	30	5	20	4	—	2	80	1	40
Изъгородные	12	50	12	—	11	25	10	25	9	50	8	50	7	50	6	60	5	60	4	50	3	20	1	60

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иозефовича; ТАЖЕ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Кроме того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Маршкова, въ „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова; въ Киевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ П. И. Вильяма; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ И. И. Войно-Розовича и въ Кременугѣ, у нотаріуса П. Ф. Замойскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Havas, Lafitte et Co., Place de la Bourse; въ Москвѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровск., домъ Солодовникова, въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора проситъ гг. изъгородныхъ подписчиковъ, при за-
явленіи о перемѣнѣ адреса, высылать прежній адресъ и 25 коп.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

(основанъ въ 1863 г.).

Биллотный капиталъ . . . 1.000.000 р. — и.
Засланный капиталъ . . . 209.140 „ 28 „

УПЛАЧИВАЕТСЯ ПО ВЛАДАМЪ:

До востребованія . . . 5%
На сроки до 1 года . . . 5%
На сроки два года и болѣе . . . 4%
По текущимъ ссудамъ . . . 4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.

Уплачиваетъ векселя.

Переводитъ въ разные города Имперіи денежныя суммы.

Принимаетъ на комиссію для полученія векселя, писанные на русскую или иностранную валюту.

Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ, преимущественно же государственныхъ, гарантированныхъ правительствомъ и западныхъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ телеграфомъ и почтою: Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 10-го Юня 1881 года.

Ветеринарная медицина и практическая жизнь. П. Г. Павловскаго.

Мѣстная хроника: Городская дума. — Изъ городской жизни.

Телеграммы: (отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“).

Послѣднія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Павлоградскаго уѣзда и г. Сербия. — Извѣстія изъ газетъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетоны: 1. Въ дорогѣ, Л. Д. Дибетовскаго. 2. Пятитысячъ горъ, В. Ладженскаго.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

10-го Юня 1881.

Текущая сессія харьковского экстреннаго собранія обнаружила замѣчательное явленіе въ жизни нашего земства —

ВЪ ДОРОГѢ.

I.

Мы выбрались наконецъ изъ невылазной грязи. Дорога пошла косоюромъ. Ямщикъ остановилъ усталыхъ лошадей, всталъ и заболитно началъ опрашивать насъ.

— Сейчасъ видно, что — хозяинъ, ска- залъ ямщикъ — стѣна въ стѣну, а вы —

Ямщикъ вздохнулъ.

— Бѣлыя лошади. Теперь ужь не хозяинъ. Въ работники записался.

Медленно мы стали подниматься на отлогую гору.

— Какъ же это случилось началъ я.

— Все отъ чужуны.

— Какъ такъ? — разсказалъ Тимофѣй.

— А вотъ видите ли — я извозомъ занимаюсь. Держать трехъ лошадей, добрыя были лошади. Спасибо имъ — всегда выручали. Кормитъ, разумеется, надо было хорошо. Безъ ося ни-ни — нельзя. Ужъ за то, сдѣлаешь такъ верста триста пути — и везешь долой рубльковъ 70, если не болѣе. А те-

перь, что за извозъ? — все на чужуны, да на чужуны. Купилъ насъ и знанъ не хотѣлъ. Отняла такъ у насъ работу эта чужуна. До Харькова или до Славянска дадутъ теперь 5 рублей. Вези — если хочешь. А повезешь, смотри, что выработалъ, то и издержалъ. А въ хозяйствѣ — сами знаете — такъ: одно купилъ, другое надо. Получилъ деньги, а тутъ ужь и есть дыра, куда ихъ заткнуть. Бѣда, да и только...

Ямщикъ вздохнулъ и замолчалъ. — Крѣпился такъ и долго; жалко было продавать лошадей; думалъ — какъ нибудь навястаю, не здрѣю, такъ тамъ. А тутъ сѣно неуродило, ося и совѣсь нѣтъ. Бѣда, бѣда. Нѣтъ! пришлось такъ продать лошадей, да такъ — просто за даромъ... Помогъ я нанимать... и навалия сроками отъ Святой до Демьяна у полковника въ его имѣніе, Михайловку. Другимъ сроками платили 50, 60, 70 рублей. Я навалия за 80, и работы за тожь было: на днѣмъ, ни ночью отдыха. Но работа еще ничего. Кормъ нашего брата под-

рѣзываетъ — вотъ что. Кормъ былъ плохой. Борщъ готовилъ бывало на 70 человекъ. Что останется сегодня — вылей. А проклятой бабѣ — лѣнь. Завтра она должна въезжать въ воду, и вчерашній борщъ опять идетъ на потребу. Животъ пучитъ. Гдѣ ужь тутъ работать. Себя-то самого насилию носилъ. А не работай — нельзя. Дѣло не стоитъ и деньги даромъ брать не приходится. Ужъ какъ вышелъ мнѣ срокъ, думалъ — баста! Баринъ рассчитывается со мною и говоритъ „останься“. Полюбіался, значить, ему моя работа. А я положилъ уже себя на умъ — отойти. Благодарю, говорю, за все; пойду теперь домой, — надо жену, дѣтей провѣдать. Да такъ про кормъ и промолчалъ. Еще бы обидѣлся. Баринъ себѣ ничего — строгій. Какъ только не по немъ — бѣда. Сказано военный человекъ. И виновать то не онъ, а проклятая баба, что приставлена была кухаркою. И злючка же была. Та ей слово, а она тебѣ — тридцать... Прихожу домой. А у меня братъ молодой. Живемъ мы

съ братомъ ладно. У него семья, а у меня тоже. У него хата, и у меня хата. Прочее все не дѣлено. Положили принажить себѣ луку десятины двѣ, и какое ни на есть у насъ хозяйство, а работать на себя, а не на людей. Принажили мы луку подъ самую Купанку, у Уришника, если знаете...

— Нѣтъ, не знаю!

— Да у самихъ у насъ есть 6 десятины 1/2 десятины токови, 1/2 десятины сѣнокоса, 1 десятина подъ пшеницу, а то — ачмень, просо. Податей за духъ плотинъ 24 р., да за луку за 2 десятины уговорились за 22 р. Ихъ то нужно въѣзъ заплатить, а урожай то какой будетъ — въ Божьей волѣ. Вотъ, пока-то дома работа стоитъ, и пошелъ я поработать пона на станцію. Заработалъ рубль, другой — онъ и пригодится въ хозяйствѣ. А станеть подходитъ косовица, вернусь домой на свою работу.

Ямщикъ призадумался.

— Трудно стало жить на свѣтѣ... приспособляешься, приспособляешься,

никакъ не приспособишься. Да и гдѣ ужъ тамъ приспособиться: за все отработай, — за теленка, за гуса, за все, положительно за все. Вотъ, къ слову сказать, взяли мы у Уришника 2 десятины луки. Одиннадцать рублей за десятину. Въѣзъ это 22 р. составилъ. Но деньги — деньгами, да два дня пахать, да косить, да возить... какая тутъ упавка. А заснешъ какъ нибудь: смотри — твои воли уже на чужомъ луку, а ты плати штрафу 5 рублей. Такъ вотъ и живи себѣ, какъ знаешь...

Ямщикъ стегнулъ лошадей, и они рысью побѣжали по столбовой дорогѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Дибетовскій.

ИГНАТОВО ГОРЕ.

Онъ только что воротился изъ города, куда возилъ старшаго сына въ качествѣ „некрута“, и я зашолъ его провѣдать.

Дядя Игнатъ казался еще задумчи-

въ, чѣмъ прежде; тутъ же, на лавкѣ у окна, сидѣла молодая жена „некрута“, и сквозь слезы взглядывалась въ осеннія сумерки, на ту пору тоже плакавшая дождевыми брызгами.

— Ты, Васютка, не плачь, говорилъ ей дядя Игнатъ: онъ говоритъ, безпрѣмьно воруешься. Мнѣ тоже въѣзъ горько, да и съ землей не легко — работникъ то былъ болѣе ладный!

— Охъ, родимый, да въѣзъ ихъ тамъ, сказываютъ, по тысячъ сразу бьютъ — въ страшенъ то, сокрумалась на печѣ тетка Настасья, притюхивалась тамъ съ своимъ материнскимъ горемъ.

— А ты зря не болтай, поучалъ ее дядя Игнатъ. Чай не все страшенъ то бывало! Только зря Васютку мутни!

— Нѣтъ, ужъ у нихъ, должно, нѣтъ — безъ страшенъ то, сомнѣвалась Настасья.

И долго удивлялся той твердости, съ какой дядя Игнатъ переносилъ эту временную потерю сына-работника. Въ нашей сѣренькой, трудовой жизни эта потеря является такимъ

да раздавался разлихой припѣвъ:
Солда-а-а-тушки, ребя-а-а-а-тушки!
То Захарычъ начиналъ свою люби-
мую пѣсню. **В. Ладыженскій.**

